

Глава 43. Ткацкая мастерская

Юй Ланьши принял подарок, любуясь вышитыми уточками-мандаринками, склонившими друг к другу головы.

— Циньинь, какая тонкая работа! — искренне восхитился он. — Мне очень нравится.

Сам Ланьши в рукоделии смыслил мало, но даже он видел, с каким изяществом наложены стежки. Такую вещь в любой лавке оторвали бы с руками. Недолго думая, молодой господин тут же пристроил хэбао на поясе.

Теперь рядом с нефритовыми подвесками и надушенными мешочками красовался новый подарок. Несмотря на обилие украшений, вышивка юноши была выполнена с таким вкусом, что ничуть не выбивалась из общего наряда. Младший брат, подбирая нити, специально ориентировался на столичный стиль своего зятя, стараясь сделать вещь достойной выходца из знатного дома. Видя, что его труд оценили по достоинству, тот невольно улыбнулся.

— Циньинь, у тебя настоящий талант, — заметил Ланьши, присаживаясь рядом. — Чем бы ты хотел заниматься в будущем?

Юноша замялся. До этого он лишь мечтал пристроиться в какую-нибудь вышивальную лавку, чтобы работать там в тишине. Общение с незнакомцами пугало его, а вот тихие часы за пальцами в своей комнате были в радость. Своими мыслями он и поделился с невесткой.

— И зачем тебе чужая лавка? — Ланьши ободряюще хлопнул его по плечу. — Шей здесь, дома. Сколько захочешь и когда захочешь. Готовые вещи будем продавать, но не неволь себя сроками. Денег в нашем поместье вдоволь, на хлеб всегда хватит.

Тот, присевший на край постели, тихо проговорил:

— Спасибо тебе, вторая невестка.

Ланьши едва сдержал порыв ущипнуть его за щеку — так мил и кроток был этот гэ'эр.

— Да пустяки, — рассмеялся он. — Я хочу, чтобы ты жил в радости. А все тревоги и заботы пусть твой второй брат на себя берет.

Циньинь невольно улыбнулся. Стало ясно, что отношения между его братом и Ланьши самые доверительные. Невестка, несмотря на свое высокое происхождение, оказался человеком прямым и заботливым. На сердце у юноши стало окончательно спокойно.

Из-за лютой стужи Чжэн Шаньцы предпочитал лишний раз не выходить из своего кабинета. Все его думы были заняты тем, как наладить земледелие и пополнить уездную казну. Местные богатеи, видя, что новый начальник уезда не спешит затевать проверки, облегченно выдохнули. Видать, сильный-то он сильный, да только хочет по-тихому выслужить срок и уйти на повышение. Коли не станет лезть в их дела, они и сами не поспеют — подбросят серебра на его «подвиги» для отчётов столице.

Клан Чэн владел в Синьфэне пятьюдесятью тысячами му земли официально. Однако после того, как старейшина Чэн вышел в отставку с поста губернатора, их аппетиты возросли — за несколько лет захваченные надель земли разрослись до ста пятидесяти тысяч му. В уезде, где пашни и так были в дефиците, одна семья заграбастала львиную долю. А ведь были ещё лавки, горные уголья и леса... Пожалуй, Чэнов можно было назвать первыми богатеями Синьфэня.

Семьи Ци, Гао и Ся действовали схожим образом: разоряли крестьян, превращая их в безземельных арендаторов, и продолжали выжимать последние соки. Вместе эти четыре клана контролировали две трети всех земель уезда. Чтобы упрочить положение, они заключали браки с местными сюцаями и цзюйжэнями, опутывая уезд невидимыми, но крепкими узами родства. Шаньцы понимал: этот узел просто так не разрубить.

Вернувшись со службы, он застал Дэн Сюэ и поинтересовался, где супруг.

— Молодой господин вместе с папой Чжэном сейчас в комнате младшего господина, занимаются вышивкой, — доложила та.

Шаньцы кивнул и, переодевшись в домашнее платье, решил первым делом навестить старшего брата. Мысль о его раненой ноге не давала ему покоя.

— Брат, ты у себя? — постучался он в гостевые покои. — Можно войти?

— Заходи, Шаньцы.

Шаньчэн грелся у жаровни. Увидев младшего брата, он заметно оживился.

— По делу пришёл?

— Помнится мне, брат, что твоя нога в холода всегда ноет. Я договорился с врачом, сегодня он осмотрит тебя.

Шаньчэн невольно взглянул на свою увечную ногу:

— Неужто её ещё можно лечить? Столько лет прошло...

— Пусть посмотрит. Даже если не исцелит совсем, то хоть боли зимой уймёт.

Шаньцы пригласил доктора Суна — того самого, что лечил Ланьи по приезду. Вскоре в гостиную вошёл лекарь с аптекарским ящиком, а следом за ним — юный помощник. Гэ'эр Линь, узнав о приходе врача, тут же прибежал из комнаты Циньиня.

— Скажите, доктор, есть ли надежда? — с тревогой спросил он.

— Не спешите, почтенный фулан, — спокойно ответил доктор Сун. — Сначала я должен осмотреть больного. Господин Чжэн, на что жалуетесь?

Шаньчэн честно описал свои ощущения. Лекарь долго ощупывал ногу, а затем задумчиво произнёс:

— Время упущено, не скрою. Полного исцеления обещать не могу, но избавить вас от зимних мучений — в моих силах. К тому же, вы хорошо берегли ногу: ткани ещё живы, так что надежда остаётся.

Шаньчэн и не ждал чуда. За долгие годы он привык к своему увечью, и слова о том, что боли отступят, уже были для него великой радостью.

— Благодарю вас, лекарь.

Когда доктор Сун закончил с рецептами и Ван Фу пошёл провожать его, у ворот они столкнулись с регистратором Цзяном, прибывшим с дарами.

— Регистратор Цзян, какими судьбами? — поинтересовался Шаньцы, когда гость вошел в зал.

— Да вот, супруга из родных мест вернулась, — улыбнулся тот. — Привезла гостинцев, решил и вам долю выделить. Слышал, к вам родня приехала, так пусть отведают наших диковинок.

Чиновнику было неловко отказываться, и он велел принять подношения.

В это время Ланьи и Циньинь всё ещё корпели над шитьем. Молодой господин Юй взялся за иголку лишь из любопытства, но быстро об этом пожалел. Какое там рукоделие — он даже собственный свадебный наряд не сам шил! В итоге на ткани вместо узора красовалась лишь огромная дыра.

Скучая, он наблюдал за Циньинем. Тот работал сосредоточенно, пальцы его летали над полотном с завидной ловкостью. Юноша казался воплощением кротости и тишины.

Папа Ланьи — фулан Юй — в своё время мечтал вырастить из своего гэ'эра образец добродетели. Со старшим сыном было ясно: наследник хоу Чаняна, на плечах которого лежит груз ответственности, вольности ему не положены. Но Ланьи... фулан Юй строил великие планы, желая видеть его самым благонравным в столице.

Результат оказался плачевным: сын не знал «Наставлений для мужчин», шить не умел, уроки прогуливал, а характером отличался строптивым и властным. В столице он прославился как настоящий задира, наводящий ужас на сверстников. Пожалуй, именно Цинъинь был тем идеальным ребёнком, которого так мечтал воспитать отец Ланьи.

— Цинъинь, не могу больше сидеть, — Ланьи вскочил. — Пойду проведаю брата и Линя.

— Я с тобой, — юноша тут же отложил иголку.

Шаньцы и регистратор Цзян уединились в кабинете для разговора. Шаньчэн и Гэ'эр Линь тоже разошлись по комнатам — последний поспешил приготовить первый настой для ванночек, чтобы облегчить боли мужа.

— Шаньцы действительно заботится о тебе, — с улыбкой заметил Линь супругу.

— Он мой родной брат, — довольно отозвался Шаньчэн. — Кому же ещё обо мне печься?

Теперь он окончательно убедился: Шаньцы возмужал и обрёл ту мудрость и достоинство, которые пристали чиновнику его ранга.

Когда к ним заглянули Ланьи и Цинъинь, Линь рассказал им о визите врача. Младший брат просиял:

— Если брату станет легче, это уже великое дело.

— Когда срок службы мужа выйдет и мы вернёмся в столицу, — добавил Ланьи, — я устрою так, чтобы брата осмотрели лучшие лекари. Можно будет даже пригласить кого-то из Императорской медицинской академии.

«Столица? Придворные лекари?»

Для простых людей вроде Шаньчэна и Линя эти слова звучали как легенда. Но они знали: перед ними гэ'эр из знатного дома, его родным такое действительно под силу. Линь чувствовал, как кружится голова. О таких вещах он только в театральных пьесах слышал. Его вторая невестка оказалась не только красавцем с добрым сердцем, но и человеком невероятно

высокого полета.

«Чем же наша семья заслужила такое благословение? — думал он. — Видать, предки на небесах молились за нас не покладая рук».

— А где мой господин муж? — поинтересовался Ланьи у Цзинь Юня.

Слуга прыснул:

— Господин ушёл в кабинет, ведут беседы с регистратором Цзяном.

— С тем самым, что звал его рыбу удить? — припомнил Ланьи.

— Именно так.

В кабинете Шаньцы расспрашивал Цзяна о местных учёных. Тот отвечал без утайки:

— Господин Чжэн, вам не нужно знать всех. Запомните лишь четверых.

Он начал перечислять:

— Цзюйжэнь Вэй — зять клана Чэн. Он преподает в уездной школе, и уважают его не меньше, чем самого цзяоюя Лю. Цзюйжэнь У — зять семьи Ся, заправляет делами в податной канцелярии. Есть ещё Кун, зять клана Гао, и Тань Хэ, зять помощника начальника уезда Ци. Остальные сюцаи — лишь прихвостни этих семейств, исполняющие их волю.

Шаньцы едва не рассмеялся от горькой иронии. В уезде всего пять цзюйжэней, и четверо из них уже прибраны к рукам местными кланами.

— А пятый?

— Тот слишком стар, — развел руками Цзян, — он им без надобности.

Шаньцы промолчал, но выводы сделал. Это напоминало столичный обычай «ловли зятьев» у экзаменационных списков, только в уездном масштабе.

— Тань Хэ, зять Ци, человек тихий, — продолжил регистратор негромко. — Работает в инженерной канцелярии. У него была невеста, но когда он сдал экзамены, на него положил глаз молодой господин Ци. Невесте пришлось отступить под давлением семьи Ци, и Тань Хэ, не имея выбора, женился.

Цзян давно служил в ямэне и знал характеры всех четверых. Тань Хэ казался ему самым безобидным: он не смыслил в интригах, держался особняком и даже с родней жены общался холодно. Шаньцы запомнил это имя.

Затем они обсудили планы на весну. Чиновник хотел закупить семена через торговые караваны и обязать крестьян сажать нужные культуры.

— Дороги в Синьфэне — одно название, — рассуждал Шаньцы. — Песчаная почва не годится для злаков, но овощи и лекарственные травы на ней растут отменно. Наладим пути — потянутся купцы, и жизнь в уезде закипит.

Он говорил с Цзяном открыто, давая понять, что считает его своим доверенным лицом. Регистратор задумался:

— Планы ваши велики, господин Чжэн. Но доходов от трактира и маслобойни на ремонт дорог не хватит.

Внезапно его прошиб холодный пот. Казна уезда пуста, но те четыре семьи... они купаются в золоте.

Цзян остался на ужин. Уходил он в добром расположении духа — его скромный дар был принят, а господин Чжэн стал к нему ещё благосклоннее.

Шаньцы же обдумывал услышанное. Весной придется «потрясти» хотя бы один из кланов, чтобы раздобыть средства. Он прилёг на кровать с книгой. Ланьи, закончив умываться, бесцеремонно выхватил её из рук мужа.

— Завтра у тебя выходной. Какие планы?

— Пойду на литературное собрание.

Ланьи недовольно надулся. Опять эти скучные сборища, где люди говорят на непонятном языке, вызывая лишь головную боль!

— Неужто нельзя пропустить? — он обхватил лицо мужа ладонями и шутливо встряхнул его.

У Шаньцы закружилась голова.

— Я уже обещал. К тому же, мне нужно лично увидеть местных учёных, — объяснил он, перехватывая руки супруга.

— Весь день пропадать собрался? Оставь мне хоть половину, — не унимался Ланьи.

— И чем же ты хочешь заняться? — Шаньцы прикинул, что если уйти утром, то вторая половина дня будет свободна.

— Хочу лепить снеговика! Дома старший брат всегда со мной лепил, — Ланьи легонько ударил мужа в плечо. — И не смей говорить, чтобы я звал слуг. Хочу, чтобы ты сам со мной лепил.

— Хорошо, — пообещал Шаньцы.

Удовлетворенный, Ланьи прильнул к его губам. Шаньцы ответил глубоким поцелуем, от которого у обоих перехватило дыхание.

Он навис над супругом, распутывая завязки его одеяния. Поцелуи скользили ниже, к ключицам...

— Шаньцы... холодно, не хочу, — пробормотал Ланьи с влажным блеском в глазах, пытаясь отстраниться.

Волосы мужа рассыпались по плечам, дыхание сбилось, а кадык судорожно дернулся.

— Не могу больше терпеть, — выдохнул он хрипло.

Ланьи запрокинул голову. Чиновник скользнул рукой вниз, но вдруг коснулся чего-то твердого и холодного. Его страсть мгновенно улетучилась, сменившись ледяным отрезвлением.

Под одеждой, на бедре супруга, он нащупал нож.

У Шаньцы внутри всё похолодело. Какое там «не могу терпеть» — тут вмиг станешь святым.

Он осторожно похлопал юношу по спине:

— Откуда на ноге нож... Ланьи?

Тот, пребывая в полузабытьи, потерся щекой о его ладонь и сонно пробормотал:

— А, нож... Это от тебя защищаться, на всякий случай.

Чжэн Шаньцы лишился дара речи.

Он-то думал, что Ланьи ему доверяет, а тот, видать, считал, что в безопасности будет только с оружием. Неужто и под нижнее платье он железные пластины вшил?

Ланьи, осознав, что сболтнул лишнего, тут же принялся оправдываться:

— Да я просто... боюсь, что ты станешь руки распускать не вовремя. Нужно же мне себя беречь.

Даже такой спокойный человек едва не вышел из себя.

— Да разве ж я... когда-то позволял себе лишнее? — «И как бы я посмел, жизнь-то мне дорога».

— Ой, да ладно тебе! — Ланьи отстегнул нож и отбросил его к краю постели. — Просто привычка. Если бы ты раньше полез меня обнимать, давно бы заметил. Сам виноват!

Шаньцы только вздохнул. «Сам виноват», надо же. Но, вспомнив нежность кожи, которой он коснулся, он почувствовал, как внутри снова разгорается пламя.

— Ну, раз так... — он попытался продолжить.

Но Ланьи плотно закутался в одеяло.

— Холодно! Не хочу я в такой мороз потом в баню бежать.

— Тогда хоть помоги мне... — негромко попросил Шаньцы.

На следующее утро Шаньцы отправился на собрание. Глядя на учёных мужей, ведущих высокопарные споры, он невольно вспомнил свои студенческие годы.

Помощник начальника уезда Ци прибыл вместе с молодым, благообразным мужчиной.

— Господин Чжэн, познакомьтесь с моим зятем, Тань Хэ. Он всё время пропадает в инженерной канцелярии, человек он скромный и на язык не боек.

Тань Хэ почтительно поклонился.

— Не стоит так принижать его заслуги, господин Ци, — вежливо ответил Шаньцы. — Тань Хэ кажется мне человеком основательным, из таких выходят лучшие мастера.

Лицо Ци расплылось в улыбке, и он проводил начальника уезда к его месту.

Шаньцы внимательно наблюдал за собравшимися. Цзяоюй Лю представил ему сюцаев и цзюйжэней.

— Садитесь, друзья. Давайте просто побеседуем, — дружелюбно начал Шаньцы.

Среди молодых лиц выделялся старый цзюйжэнь, которому на вид было уже под шестьдесят. Шаньцы задал несколько вопросов, и все пятеро цзюйжэней ответили достойно.

Вскоре он отпустил их, подбодрив на прощание. Среди них Тань Хэ выгодно отличался глубиной суждений. Шаньцы, прищурившись, произнес:

— Господин Ци, ваш зять весьма талантлив. Что, если он станет моим личным помощником на время?

Ци, разумеется, был только рад — теперь у него будет свой человек подле чиновника, чтобы выведывать новости.

— Это великая честь! Тань Хэ, ну же, поблагодари господина Чжэна.

Юноша, опустив глаза, негромко поблагодарил. Он и впрямь был хорош собой — статный, с мягкими чертами лица. Шаньцы, не желая задерживаться, вскоре покинул собрание.

Провожая зятя, Ци строго наказал ему:

— Присматривай за ним. Обо всем, что он затеет, докладывай мне.

— Слушаюсь, тесть.

На улице Шаньцы принял от Ван Фу плащ. Снег продолжал падать, но мостовые были чисто выметены. Заметив, что в семейном трактире полно народу, он велел купить пять жареных колбасок для домашних.

Лавки соусов и масла приносили доход, но он уже задумал открыть ткацкую мастерскую. Это дело идеально подошло бы женщинам и гэ'эрам. В Синьфэне было много вдов военных, оставшихся без средств к существованию, и такая работа стала бы для них спасением.

«Когда у народа появятся деньги, они начнут их тратить, — рассуждал Шаньцы. — Это оживит торговлю и пойдет на пользу всему уезду».

Он решил найти толкового плотника. Сам он не помнил чертежей сложных станков, но верил, что местные умельцы смогут улучшить старые модели. Завтра же он даст поручение Тань Хэ обсудить это с мастерами из инженерной канцелярии.

Столица

В этом году снег в столице шел не переставая. Фулан Юй грел руки о медную грелку, а в комнате жарко пылали жаровни. После рождения Ланьи его здоровье пошатнулось, и теперь он страдал от холодов.

— Лютая зима, — вздохнул папа. — Синьфэн ведь у самой границы... Бедный Ланьи, он ведь весь в меня — в такую погоду носа из дома не высунет.

— На Новый год увидим, приедут ли они, — отозвалась матушка Цао.

— Я бы и рад, да только зятю первый год на посту негоже службу бросать ради поездки к тестю. К тому же путь неблизкий, пять месяцев в оба конца... Сердце не на месте будет.

В комнату вошел хоу Чанян. Вид у него был суровый, слуги поспешили принять его тяжелый плащ.

— Что-то случилось во дворце? — встревожился фулан Юй.

Он велел подать мужу горячего чая. Тот сделал глоток, и лишь когда тепло разлилось по телу, его лицо немного смягчилось.

— Снега по всей стране. В нескольких провинциях беда — снежные заносы, голод. Несколько уездных начальников уже лишились голов за нерадивость.

Папа ахнул:

— Государь всегда был милостив. Отчего же такая кара?

— Не уберегли людей, — помрачнел маркиз. — Оказалось, серебро, выделенное на помощь, разворовали, и тысячи людей погибли от голода. Император в ярости. Отправил наследника Е с провиантом и казной, чтобы тот лично во всем навел порядок. Лишь члену императорской семьи под силу сейчас укротить этих стервятников.

Фулан Юй вспомнил, что его старший сын, Чансин, сейчас тоже на посту при дворе. Хотя тот с

детства был соучеником государя и дружба их крепка, всё же «служить царю — что со львом играть». Кто знает, на кого падет следующий гнев.

А ведь в далеком Синьфэне — второй зять. Маркиз знал Чжэн Шаньцы как человека честного, но в такие времена любая ошибка могла стоить жизни.

Император Умин, выплеснув гнев на совете, в своих покоях казался спокойным. Лишь в уголках его губ играла странная усмешка.

— Позови Чансина. У меня к нему разговор.

Юй Чансин вошел во дворец Паньлун и склонился в поклоне.

— Садись, мой генерал, — улыбнулся Умин. — Наследник Е перед отъездом просил у меня об одной милости. Сказал, что по возвращении хочет взять твоего третьего брата, Шияня, в главные супруги. И я дал согласие.

Чансин нахмурился:

— Ваше Величество, мне об этом ничего не известно.

Император махнул рукой:

— Знаю, тебе вечно нет дела до домашних сплетен. Но послушай: Юй Ланьи уехал в Синьфэн с мужем, а этот твой третий брат — сын наложницы. Сделать его главным супругом наследника... это вызовет немало толков.

Сердце Чансина сжалось.

— Я решил осадить его пыл, — продолжил государь. — Пусть пока будет вторым супругом. Если Е Юньчу действительно так в него влюблен, то со временем добьется своего. А если у самого юноши не хватит духу удержаться на месте — значит, такова его судьба.

Чансин облегченно выдохнул:

— Благодарю, Ваше Величество.

— За что благодарить? Я ведь, считай, расстроил вашу семейную удачу, — расхохотался Умин. — Забавные вы, знатные дома. Слышал, у хоу Аньсиня гэ'эр расторг помолвку? Оказалось, застучал жениха со слугой прямо в доме. Весь город гудит, а мне — лишь лишний повод посмеяться.

Чансин лишь сокрушенно покачал головой:

— Государь...

С тех пор как почил покойный фэнцзюнь, Умина мало кто мог сдерживать. Лишь новый супруг, младший брат покойного, имел на него хоть какое-то влияние. К счастью, Император был мудр и дальновиден, хоть и позволял себе иногда лишнего.

Вернувшись домой, Чансин пересказал разговор отцу и папе.

— Раз Император распорядился — так тому и быть, — холодно отозвался фулан Юй. Маркиз лишь молча кивнул.

Пока в столице летели головы чиновников, Чжэн Шаньцы в Синьфэне жил своей жизнью. Проснувшись утром, Ланьи не стал ждать слуг. Он велел Цзинь Юню принести воды и принялся с ожесточением мыть руки.

Вчерашняя помощь мужу далась ему нелегко — рука до сих пор ныла.

Зимний лунный свет не чета летнему, и вчера юноша видел в его отблесках лишь мерное движение широкой груди Шаньцы. При воспоминании об этом его лицо залил густой румянец.

Наскоро позавтракав, он вышел во двор. Утром муж обещал вместе с ним лепить снеговика. Увидев Циньиня, стоявшего у гранатового дерева, Ланьи весело замахал ему:

— Циньинь! Циньинь!

Юноша обернулся и просиял:

— Вторая невестка!

Ланьи бросился к нему через заснеженный двор.

— Господин, осто... — начал было Цзинь Юнь.

Но молодой господин Юй, не заметив кочки под снегом, запнулся и кубарем полетел в сугроб, оставив в нем глубокую яму.

Он едва успел выставить руки, чтобы не уткнуться лицом в холодную крошку.

Циньинь в испуге открыл рот:

— ...!

— Пустяки! — Ланьи вскочил, отряхиваясь от снега, и как ни в чем не бывало подошел к юноше.

Тот лишь покачал головой. «А невестка-то и впрямь человек неумный», — с теплотой подумал он.

<http://bllate.org/book/15809/1436766>